

этого известия (летописной статьи), хотя и краткий, заслуживает нового издания по двум выявленным его редакциям и разным спискам, количество которых — теперь при учете хронографического контекста — надо предполагать больше, чем представлялось раньше.

Легенда об основании Москвы Олегом — показательный пример исторических конструкций XVII в., в которых не надо видеть только «нелепые упражнения» примитивного «исторического баснословия» [Тихомиров, с. 95–96]. В этих «сказках» есть и «намеки», и «урок» для современных ученых, если посмотреть на них как на ранние опыты национальной историографии, рожденные новой эпохой. Утверждение некоей самобытности с древними корнями, так или иначе соотносимой с историей народа (будь то в сопоставлении разных русских городов как «мест памяти» или в помещении руси в общеславянский контекст), обозначало принципиальный разрыв с провиденциально-эсхатологическими или династическими схемами Средневековья.

Литература

- Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.
Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
Доронин А. В. Европа рубежа XV–XVI вв.: на пороге новой истории (взгляд с Запада) // Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории. М., 2018. С. 16–58.
Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996.
Робинсон А. Н. История славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963.
Савинов М. А. Архиепископ Астраханский и Терский Пахомий и его Хронограф. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2016.
Сиренов А. В. Хронограф астраханского архиепископа Пахомия и Латухинская Степенная книга // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (82). С. 11–24.
Стефанович П. С. «Царствующий град Московский» как «место памяти» в России в XVI–XVII вв. // Топография восточнославянских «мест памяти» кон. XV — сер. XVIII вв. М., 2019 (в печати).
Творогов О. В. Задачи и перспективы издания хроник и хронографов // Летописи и хроники. М., 1976. С. 189–202.
Тихомиров М. Н. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X–XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. I. С. 48–105.

Petr S. Stefanovich

*National Research University "Higher School of Economics",
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

THE FOUNDATION OF MOSCOW BY PRINCE OLEG AND THE CHRONOGRAPHER OF PAKHOMII

The author analyses the text known as "The Tale on the Foundation of Moscow by Oleg" after the 1964 publication by M. Salmina. He pays a special attention to the text's redaction in the "Chronographer of Pakhomii" of 1649–1650 and considers that as original. He concludes that this legendary text stressed the old and independent origins of Moscow as the city closely associated with Russian national identity and it was in the streamline of the innovative tendencies of the Russian historiography of the 17th century.

Keywords: history, Russia, Moscow, chronicles, chronographers

УДК 94(47).04 ББК 63 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0028

А. Е. Тарасов

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. varzuga@gmail.com

БЫЛИ ЛИ ЕПИСКОП ИОАСАФ ВОЛОГОДСКИЙ ИГУМЕНОМ КРАСНОХОЛМСКОГО АНТОНИЕВА МОНАСТЫРЯ?

Статья посвящена критическому разбору гипотезы, объединяющей в одном лице трех деятелей Русской церкви середины XVI в., носивших имя Иоасаф. Сделан вывод, что ряд фактов противоречит подобной интерпретации.

Ключевые слова: Троице-Сергиев монастырь, Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь, Вологодская епархия, Русская церковь, епископ Иоасаф Коломенский

В 1883 г. отец Анатолий (Смирнов) сделал предположение, что игумен Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Иоасаф (около 1548 г.) и игумен Троице-Сергиева монастыря Иоасаф Черный (1555–1560 г.) — это один и тот же человек. Основанием для такого заключения стали сведения о вкладыях, читающиеся «в описях второй половины XVI века» Краснохолмской обители, которые сделал «Троицкой игумень Иоасафъ» [Анатолий (Смирнов), с. 35]. С. С. Подъяпольский, не приведя никаких дополнительных аргументов, уже не сомневался в тождестве двух настоятелей [Подъяпольский, с. 29]. В 2012 г. А. В. Яганов предположил, что одно лицо не только игумены Краснохолмского (между 1543 и 1548 г.) и Троице-Сергиева монастырей (с 1554 по конец 1559 или начало 1560 г.), но также и епископ Иоасаф Вологодский († 1570) [Яганов, с. 58–59]. Исследователь развил наблюдение о. Анатолия (Сахарова), сделав вывод, что некоторые из предметов, известных по монастырской описи

1575 г. как пожертвования «троецкого игумена Иоасафа», указаны и в «Летописце» Краснохолмской обители среди 14 предметов во вкладе, который «дал игумен Иоасаф» в 7056 (1547/1548) г. Гипотеза А. В. Яганова была поддержана Н. П. Тарасовой, несколько скорректировавшей годы игуменского служения Иоасафа и предложившей дополнительные аргументы для объединения в одном лице трех деятелей Русской церкви середины XVI в. [Тарасова, Сорокин, с. 59–64].

Наблюдения А. В. Яганова и Н. П. Тарасовой в отношении Иоасафа Троицкого и Иоасафа Краснохолмского следует уточнить. Гораздо важнее, что **все** 5 предметов, упомянутых монастырской описью 1575 г. в качестве пожертвований Иоасафа Троицкого, упомянуты и в тексте «Летописца» во вкладе «игумена Иоасафа». Более того, 2 вклада «игумена Иоасафа» в монастырской описи 1575 г. также указаны среди вкладов «игумена Иоасафа» по «Летописцу». Таким образом, 7 вкладов Иоасафа в монастырской описи 1575 г. (5 как «Троицкого игумена Иоасафа», 2 как «игумена Иоасафа»¹) находят **полное** соответствие в «Летописце» во вкладе «игумена Иоасафа». Других вкладов, которые были бы связаны с игуменом Иоасафом, в монастырской описи 1575 г. нет, и его имя как вкладчика в этом документе больше не упоминается. Вклады здесь записаны без указания времени их поступления.

Совпадение предметов во вкладах по описи 1575 г. и во вкладе по «Летописцу» как будто бы свидетельствует, что их сделал один и тот же человек. Однако в «Летописце» не указан монастырь, игуменом которого был Иоасаф. Исследователи, начиная с о. Анатолия (Сахарова), приняли за аксиому, что он являлся игуменом Краснохолмского монастыря, не утруждая себя аргументацией. Полагаю, на них повлияла структура текста «Летописца», в котором под 7056 (1547/1548) г. прежде вклада «игумена Иоасафа» записан еще один вклад. Он был сделан Вассианом Шереметьевым «при игумене Иоасафе». Логика изложения материала автором «Летописца», вероятно, подталкивала исследователей к выводу, что оба Иоасафа — одно лицо: сначала упомянут вклад в монастырь, сделанный при его настоятеле Иоасафе, затем — вклад самого настоятеля.

При этом требовалось объяснить, почему вклад игумена Иоасафа был сделан хотя и в том же году, но уже во время служения настоятеля Паисия: «...и за его даяние игумену Паисию... молити о нем всемилостиваго Бога»². А. В. Яганов считал, что дата вклада, как и многие другие датировки в «Летописце», неверна, и вклад был сделан Иоасафом во время его игуменства в Троице. Н. П. Тарасова, ошибочно считая, что вклад Иоасафа, читающийся в «Летописце», и вклады, известные из монастырской описи 1575 г., — это разные вклады, предложила достаточно сложную реконструкцию. По ее мнению, часть вкладов была сделана Иоасафом уже как игуменом Троицы, а часть — «либо в период его игуменства в Антониевом монастыре, либо [когда] он перешел в Троице-Сергиев монастырь, но не сразу был назначен в нем игуменом» [Тарасова, Сорокин, с. 61].

Подробная запись о вкладе игумена Иоасафа явно скопирована из вкладной книги, видимо, с добавлением сведений из кормовой книги, причем другого времени. Приведу подробную выдержку: «И за его [Иоасафа] даяние игумену Паисею, — и кто по нем иной игумен будет, — при его животе, молити о нем всемилостиваго Бога соборне и келейне и, по его преставлении, его и родителей его вписать в синодик в вечное поминовение, а родителей его — преставление и память их творим месяца марта в 17 день, на память св. Алексия, человека Божия, а по матери его, иноке Евгении, — месяца сентября в 25 день на память преподобные матере наша Евфросинии, и игумен тех на литиях поминает и на просвиромисании на литургиях Божиих и на их преставления и память их творит кануны и братию и нищих кормит и поит, елико возможно». Как видно, «вкладная» часть записи имеет логическое завершение — помянуть Иоасафа при жизни, а после смерти занести поминовение его и его родителей в синодик, то есть поминовения родителей еще нет. Затем начинается «кормовая» часть записи: поминовение родителей уже существует — на литиях, за литургией и во время кормов. Разумеется, такое поминовение предполагало наличие имен в синодике.

Есть вопросы и к самой «вкладной» части записи. Ее начало: «Лета 7056 году дал игумен Иоасаф в дом Николе Чудотворцу, в наследие вечных благ, при своем животе, на милостыню и после своего живота по своей душе и по своих родителях, по отце и по матери, и по своих детях и роду и племени, в вечное помяновение...». Здесь упомянуты дети Иоасафа, но никаких распоряжений о детях в дальнейшем нет, они есть только относительно самого вкладчика и его родителей, о чем сказано выше.

«Летописец» — памятник поздний, созданный предположительно в первой половине 1687 г. и являющийся сложным нарративом, который содержал в том числе и легендарные сведения, особенно в начальной части [Тарасов, Тарасова, с. 241]. Безоговорочно полагаться на него нельзя. Отмеченные выше противоречия заставляют усомниться, что вклад Иоасафа действительно существовал в таком виде. Монастырская опись 1575 г. — гораздо более надежный источник. Она не содержит дат вкладов, но опись — хозяйственный документ строгой отчетности, его создатели опирались на реальные сведения из ранних документов (вкладных, кормовых, приходно-расходных книг и т. д.). Похоже, что в ранних документах были отдельно зафиксированы вклады «Троицкого игумена Иоасафа» и «игумена Иоасафа». Конечно, можно допустить невнимательность составителей описи — в двух случаях из семи они могли пропустить указание на монастырь игумена Иоасафа. Но если это и было так, наличие вклада троицкого игумена совершенно не означает, что ранее он управлял Краснохолмским монастырем. И остаются противоречия текста в «Летописце».

Полагаю, вклад игумена Иоасафа 7056 г. — это своеобразная «реконструкция», проведенная автором «Летописца». Во время работы над текстом автор обнаружил в монастырской документации несколько вкладов,

¹ Историческая библиотека Тверской епархии. Тверь, 1879. Т. 1. С. 361, 362, 368, 369 (два вклада), 371, 380. По непонятной причине Н. П. Тарасова считает, что в монастырской описи 1575 г. упомянуто лишь 4 вклада Иоасафа Троицкого, а еще один его вклад известен «по неустановленной описи конца XVI века».

² Там же. С. 342.

возможно, близких по времени, которые связывало имя — Иоасаф. Решив, что все вклады принадлежат одному человеку, он объединил их, подвергнув некоторой редактуре, и записал под одним годом. «Удобным» годом оказался 7056-й — из вклада Вассиана Шереметьева был известен игумен Иоасаф, настоятель Краснохолмского монастыря.

Таким образом, не берусь утверждать, что Иоасаф Троицкий и Иоасаф Краснохолмским — одно лицо. Ситуация представляется неоднозначной.

Еще более спорный вопрос о соотношении с двумя игуменами епископа Вологодского. Исследователи опираются исключительно на косвенные свидетельства: известно, что в Краснохолмский монастырь вологодский архиерей вложил книгу и его род был записан в монастырский синодик, а в Троицкий монастырь он сделал пожалование деньгами и образами, здесь же скончался на покое, после чего на помин его души был дан вклад. Примерная хронология игуменства настоятелей Краснохолмского и Троицкого монастырей, а также приблизительные даты архиерейского служения Иоасафа Вологодского могут быть лишь косвенным доводом. Следует сказать, что епископ Иоасаф долгое время ошибочно отождествлялся с его современником книжником Иоасафом, автором житий северорусских святых. В настоящее время убедительно обосновано, что Иоасаф-агиограф и владыка Иоасаф — разные лица [Романова, Рыжова, с. 183]. Какие же свидетельства заставляют усомниться в реконструкции А. В. Яганова и Н. П. Тарасовой?

Обращу внимание на знаменитый синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г., составленный через пять лет после смерти Иоасафа Вологодского. Данный синодик — древнейший из сохранившихся троицких. За поминаниями великих и удельных князей и княгинь в нем следует традиционный для троицкой поминальной практики перечень церковных иерархов, написанный одним из основных почерков рукописи [Николаева, с. 20]. В этом синодике поминаются все троицкие игумены, становившиеся к тому времени архиереями и ушедшие из жизни: митрополиты Симон и Иоасаф Скрипицын, архиепископы Новгородские Серапион и Серапион Курцов, архиепископы Ростовские Вассиан Рыло, Алексей и Никандр, епископ Рязанский Гурий Лужецкий, епископ Сарский Досифей Забела. Памяти Иоасафа Вологодского в нем нет³. Имя епископа Иоасафа не было приписано и позднее.

Укажу также на Троицкий синодик конца XVIII в., в котором над именами игуменов этого монастыря, рукоположенных в архиереи, сделаны киноварные приписки, указывающие кафедру. Игумены перечислены в последовательности их настоятельства в Троице, под порядковыми номерами. Перечень из 33 игуменов обители составлен в 1793 г., о чем свидетельствует запись на поле л. 11 об. Безусловно, данный синодик — поздний, но в нем безошибочно отмечено, что Симон (№ 15) и Иоасаф (№ 23) занимали митрополичью кафедру, Вассиан (№ 8), Алексей (№ 25) и Никандр (№ 27) — Ростовскую кафедру, Серапион (№ 16) и Серапион (№ 29) — Новгородскую кафедру, Гурий (№ 31) — Рязанскую кафедру. Никаких указаний на архиерейский сан игумена Иоасафа (№ 33) в синодике нет⁴.

Впервые поминание Иоасафа Вологодского, видимо, было внесено в общий протограф троицких синодиков-сельников, составленный между 1584—1589 г. [Николаева, с. 29]. Его имя читается в двух из трех синодиков этого типа конца XVI в. и наверняка присутствовало в третьем, однако начальная часть рукописи утрачена⁵. Синодики-сельники содержали памяти лиц, пожертвовавших в монастырь крупные суммы — не менее 50 рублей. Иоасаф Вологодский дал в Троицу вклад в размере именно 50 рублей 22 марта 1565 г., а 21 сентября 1570 г. «по архиепископе Иасафе» был сделан вклад на ту же сумму троицким архимандритом Феодосием Вяткой⁶.

Таким образом, поминальная практика в отношении Иоасафа Вологодского в Троице-Сергиевом монастыре складывалась в конце XVI в. как по вкладчику, но не игумену обители, ставшему архиереем.

Не может однозначно свидетельствовать в пользу гипотезы и вклад епископом Вологодским Иоасафом в Краснохолмский монастырь книги «Стефана епискупа Пермскаго да Федора Едесскаго в десть». Н. П. Тарасова считает, что данный вклад был сделан владыкой именно потому, что он ранее являлся игуменом обители: «Несмотря на то, что в XVI веке Николаевский Антониев монастырь имел сановитых вкладчиков, был достаточно богат, обладал немалыми земельными угодьями, он все же не был настолько известен и примечателен чем-либо, чтобы Вологодский епископ мог сделать в него вклад без особых причин. Мы полагаем, что именно его род упоминался в монастырском синодике 1685 года» [Тарасова, Сорокин, с. 63].

Между тем в Краснохолмский синодик 1685 г. были записаны рода и других архиереев: патриархов Никона и Иоасафа, архиепископа Архангельского собора Московского Кремля Арсения Элассонского (все — иерархи XVII в.), епископа Корнилия Юрьевского⁷. Первые трое не подвизались в Краснохолмском монастыре, не являлись его постриженниками, не родились в Бежецком Верхе и явно не имели каких-либо «особых причин» делать сюда вклады, если под причинами понимать какую-то значимую связь с монастырем. В XVII в. Краснохолмская обитель не только не стала известной и примечательной, но и долгое время находилась в упадке после событий Смутного

³ РГБ. Ф. 304/III. Собр. рукописей ризницы Троице-Сергиевой лавры. № 25. Л. 12—12 об.

⁴ РГБ. Ф. 304/III. Собр. рукописей ризницы Троице-Сергиевой лавры. № 29. Л. 11.

⁵ РГБ. Ф. 304/I. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 40. Л. 7; № 42. Л. 4. Третий синодик-сельник с утраченной начальной частью рукописи — № 41. Эти синодики — следующие по времени из сохранившихся троицких.

⁶ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 39. Причины наименования Иоасафа архиепископом неясны. Если это не описка, можно предположить, что к концу своего пребывания на Вологодской кафедре владыка был возведен в сан архиепископа, удостоившись его в качестве личной награды, но без соответствующего возвышения самой кафедры.

⁷ [Иванов И. А.] Краснохолмский синодик // Журнал 95-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 17 февраля 1904 года / Под ред. И. А. Виноградова. Тверь, 1907. С. 27, 36. В настоящее время местонахождение данного синодика неизвестно.

времени, а ее возрождение началось лишь ближе к концу столетия [Тарасов, Тарасова, с. 224, 241]. О Корнилии, епископе с 1570 г. отбитого у ливонцев города Юрьева, сохранилось мало сведений. Теоретически можно допустить, что какое-то время он провел в Краснохолмском монастыре, однако это недоказуемо.

Практика архиерейских пожалований в малоизвестные, часто удаленные монастыри широко отражена в источниках XVI–XVII в. Например, в 7109 г. митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам, пострижник и впоследствии игумен Кирилло-Белозерского монастыря, сделал вклад «на церковное строение» в Троицкий Муезерский монастырь, затерянный в глухих лесах к западу от Поморского берега Белого моря⁸. 28 марта 1503 г. епископ Рязанский Протасий, вероятно, выходец из Троице-Сергиева монастыря, вложил «в дом великого мученика Дмитрия в великого князя село в Гледячое Евангелие опракос... в Муромскую десятину» [Усачев, 2018, с. 356]. В 1583 и 1584 г. бывший епископ Рязанский Филофей, видимо, уроженец Новгорода и пострижник московского Чудова монастыря, сделал вклад в Антониево-Сийский монастырь, на тот момент обитель, не игравшую заметной роли в духовной жизни России [Макарий (Веретенников), с. 420]. Искать мотивы вкладов архиереев, благодаря которым в монастырях устанавливалось их поименование, в предыдущей их связи с этими обителями необходимо. Но очевидно, что такая аргументация, тем более если она сталкивается с контраргументами, не может рассматриваться как достаточно убедительная.

Интересным аргументом в пользу гипотезы об Иоасафе Вологодском, Иоасафе Троицком и Иоасафе Краснохолмском как одном лице служат Минеи, отложившиеся в РГИА в фонде рукописных книг Святейшего Синода по Вологодской епархии: «Сие Минеи дал в дом Пречистой да Николе Чудотворцу от Троицы из Сергиева монастыря Иасаф бывшей владыка по себе и по своих родителей при строителе Селивестре лета 7078 июля и те 5 Минеи взяты у Троицы в Сергееве монастыре у старца у Ондраяна Заборовского и всех Минеи дано к Николе 6 во шти книгах»⁹. Н. П. Тарасова показала, что «дом» не может быть Краснохолмским монастырем, однако вероятное вологодское происхождение Минеи, вклад бывшего владыки из Троице-Сергиевой обители и его дата — 5 июля 1570 г., то есть после предполагаемого ухода Иоасафа с Вологодской кафедры, — дали ей основания видеть во вкладчике Иоасафа Вологодского, бывшего ранее игуменом Краснохолмского и Троицкого монастырей.

Но среди епископов, современных Иоасафу Вологодскому, был его тезка, владыка Иоасаф Коломенский. О его биографии почти ничего неизвестно. Он не упоминается в большинстве справочников по истории русской иерархии. Сохранились сведения, что Иоасаф Коломенский вел тяжбу с епископом Рязанским за подчинение Коломенской епархии Нового Данкова. Спор завершился 22 ноября 1569 г. в пользу Рязанской кафедры, поскольку именно владыка Рязанский сумел предоставить грамоты, подтверждающие его епархиальную власть над Данковым. По мнению А. С. Усачева, Иоасаф занимал кафедру всего несколько месяцев во второй половине 1569 г. и не позднее 17 мая 1570 г., когда на Коломенскую кафедру было совершено архиерейское рукоположение Савватия [Усачев, 2016, с. 79–80]. Дальнейшая судьба Иоасафа Коломенского неизвестна.

Во вкладной записи на Минеях Иоасаф упомянут только как «бывшей владыка», без указания кафедры, дата вклада не противоречит хронологии смены коломенских иерархов, а сам вклад, даже если он был сделан в какой-либо монастырь Вологодской земли, автоматически являлся именно Иоасаф Вологодский. Нельзя исключать, что Иоасаф Коломенский ушел на покой в Троицу и оттуда вложил Минеи в монастырь «Пречистой да Николы Чудотворца».

Фигура Иоасафа Коломенского имеет особое значение для настоящей проблематики. Наличие еще одного церковного деятеля 1560-х годов по имени Иоасаф, к тому же достигшего архиерейского сана, в условиях нехватки источников вносит еще больше путаницы. Представляется, что в настоящее время ни гипотеза о тождестве Иоасафа Троицкого и Иоасафа Краснохолмского, ни их объединение в одном лице с Иоасафом Вологодским не могут быть приняты как убедительно обоснованные. При этом не отрицаю, что в будущем, благодаря новым источникам, удастся подтвердить эти предположения.

Литература

Анатолій (Смирнов), игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Вельегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883.

Макарий (Веретенников), архим. Святитель Макарий, митрополит Московский, и архиереи его времени. М., 2007. Николаева С. В. Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009.

Подъяпольский С. С. О датировке Никольского собора Антониево-Краснохолмского монастыря // Архитектурное наследие. М., 2001. Вып. 44. С. 26–31.

Романова А. А., Рыжова Е. А. Иоасаф, агиограф // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 183.

Тарасов А. Е., Тарасова Н. П. «Летописец о зачатии Бежецкого Верху Николаевского Антониева монастыря»: время и обстоятельства создания // Исторические исследования: электронный журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/96/251> (дата обращения: 08.01.2019).

⁸ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 991. Л. 14–14 об.

⁹ Описание рукописей, хранящихся в Святейшем Правительствующем Синоде. СПб., 1904. Т. 1. С. 103, 106, 130–131.

Тарасова Н. П., Сорокин В. Н. СВЕТ МИРУ: Настоятели Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. 1461–1920 гг. (Материалы к биографиям). Тверь, 2017.

Усачев А. С. Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 66–81.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI в.: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1.

Яганов А. В. Об источниках датировки памятников «Бежецкого Верху Николы чудотворца Онтонова монастыря» // Архитектурное наследие. М., 2012. Вып. 57. С. 51–66.

Arkadiy E. Tarasov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

WAS THE BISHOP IOASAF OF VOLOGDA
KRASNOKHOLMSKII ANTONIEV MONASTERY ABBOT?

The article is devoted to the criticism of hypothesis, combining three representatives of Russian Church of the middle of the 16th century in one person. A conclusion is made, that some aspects contradict such interpretation.

Keywords: Saint Trinity Monastery, Krasnokholmskii Nikolaevskii Antoniev Monastery, Eparchy of Vologda, Russian Church, bishop Ioasaf of Kolomna

УДК 94(47).031 ББК 63.3(2)42-99 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0029

В. В. Трепавлов

ИРИ РАН, Москва, Россия. trepavlov@yandex.ru

ЕДИГЕЙ ВО ГЛАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ОПЫТ ЧАГАТАЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Во второй половине XIV в. в улусных ханствах бывшей Монгольской империи происходило угасание харизмы правящих чингисидских династий. Реальная власть оказывалась в руках могущественных представителей тюркской родоплеменной аристократии. Самым ярким примером деградации царственных прерогатив монархов-Чингисидов было полновластие Тимура в Чагатайском улусе. В статье показано, как мангытский бек Едигей во время своего долгого пребывания при дворе Тимура вдохновился этим примером и воплотил основные принципы его правления в Золотой Орде. На протяжении двух десятилетий Едигей вручал ханский трон своим избранникам, при которых состоял главным беком. Кроме того, тесные контакты с богословами из окружения Тимура сформировали духовные ориентиры Едигея, что позднее проявилось в развернутой им кампании по исламизации кочевников Золотой Орды.

Ключевые слова: Едигей, Тимур, Золотая Орда, Чингисиды, беклербек

В конце XIV — начале XV в. бек из тюркского племени мангытов Едигей (Эдиге, Идигу) был одним из самых влиятельных политиков Восточной Европы. Многолетнее распоряжение всеми делами Золотой Орды в высшей государственной должности беклербека, смена покорных ханов на сарайском троне по своему усмотрению, сокрушительный разгром литовского войска на Ворскле в 1399 г., осада Москвы в 1408 г. — эти и прочие события и обстоятельства его правления хорошо известны. Однако вне внимания историков остается вопрос об источниках, стимулах, примерах и прецедентах такого его могущества и всевластия. Этот «степной Макиавелли» обычно ставится в один ряд с беклербеком Мамаем, который полустолетием раньше так же распоряжался ордынским престолом, хотя и распространял свою власть на менее обширную территорию.

Появление этих «делателей королей» чаще всего выводится из особенностей развития Золотой Орды (Улуса Джучи) во второй половине XIV в. Распространенное объяснение — разорение государства в ходе войн, смут и междоусобиц, ослабление ханской власти, усиление удельных правителей-Чингисидов, а также «родоплеменной» аристократии. Одна часть этой династической и нединастической элиты сумела пробиться к верховной государственной власти, другая — начать независимое существование в управляемых ими провинциях (улусах и вилайетах) с их автономной самодостаточной экономикой (см.: [Золотая Орда, с. 729–742; История татар, с. 691–694]). Несомненно, всё это были важнейшие предпосылки для успешной карьеры Едигея, потенциальные возможности для нее. Однако посягательство на неоспоримые монархические прерогативы «золотого рода» Чингисхана не вытекало непосредственно из военных катаклизмов и разрухи. Феномен полновластных беклербеков был подготовлен как особенностями развития государств, на которые некогда распалась Монгольская империя, так и деяниями самих удачливых политиков. В отношении Едигея пример для подражания такому политику можно видеть в правителе Чагатайского улуса Тимуре/Тамерлане.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению этого примера, отметим, что со второй половины XIV в. в улусных ханствах бывшей Монгольской империи стало заметным постепенное угасание харизмы правящего клана Чингисидов. Это проявлялось, в частности, в том, что управление государством осуществлялось от лица подставных ханов. Предназначение их заключалось в том, чтобы своими сакральными персонами и молчаливым присутствием освящать, оправдывать всевластие действительных правителей. Институт таких ханов-марионеток практиковался в 1360–1370-х годах в западной части правого крыла Улуса Джучи («Мамаевей Орде»). В середине XIV — начале XV в. это явление

